

Глава 35. В погоне за прошлым

Когда всё было сказано, напряжение между ними заметно спало, и теперь они снова шли плечом к плечу сквозь туман.

Вдали, в самой гуще белёсой мглы, закачались и поплыли к ним несколько тёпло-жёлтых огоньков. Они двигались как раз по той тропе, что вела к санаторию.

Фонари были уже совсем близко.

Лу Инцзю бросил на них взгляд и понял: это старые керосиновые лампы.

Сделав ещё несколько шагов и воспользовавшись их светом, он наконец разглядел тех, кто шёл навстречу.

Из тумана проступили жуткие лица — несколько искажённых человеческих рож, сплавленных в одно.

На них были рваные халаты санитаров, в руках они несли лампы и брели по горной тропе.

Мысли у Лу Инцзю мелькнули одна за другой, и он быстро всё понял: когда-то здесь действительно были санитары, обходившие гору по ночам.

Похоже, они так и застряли тут.

Эти уродливые лица перед ним беспрестанно корчились, плавились и снова срастались, точно текущее гнилое мясо; вонь от них шла такая, что хоть нос зажимай.

Цзин Сянь уже собрался действовать, но Лу Инцзю остановил его.

Кашлянув, он сказал:

— Я, конечно, больше не собираюсь гнать тебя обратно... но всё же постарайся поменьше пользоваться силой.

Мысль о том, что божественный чиновник будет слишком часто пускать в ход свою мощь в мире людей, почему-то тревожила его. Цзин Сяню, может, и всё равно, а вот ему — нет.

Цзин Сянь на миг замер.

— Вообще-то это не так уж важно.

— Не вмешивайся, — упрямо повторил Лу Инцзю.

Он сложил печать — и у его ног уже возник Маленький чёрный зверь, пушистый, круглый, как комок шерсти.

— Ау! — тьякнул он и, прокатившись вокруг Лу Инцзю, вернулся к его ногам.

Лу Инцзю присел, потрепал его по голове, а потом указал на санитаров:

— Вперёд.

Получив приказ, Маленький чёрный зверь взвыл и ринулся вперёд, с налёта бросившись на первого санитаря.

Тельце у него было маленькое, зато вес и сила — чудовищные. От удара санитаря швырнуло наземь. Разложившееся тело двигалось неповоротливо; руки и ноги беспомощно затрепыхались по земле. Пушистик распахнул пасть, обнажив острые клыки, и слегка втянул воздух —

и тело призрака обратилось клубом чёрного тумана.

Тот клуб взвыл в воздухе жутким, рвущим уши воем; в нём смутно виднелись бесчисленные руки, судорожно хватающие пустоту, и бесчисленные лица, воющие от боли, — словно оживший свиток из самого ада.

А в следующее мгновение зверёк проглотил всё это целиком.

Чёрный пушистый шар довольно рыгнул и тут же метнулся к остальным санитарам.

Против такого злобного чудища те и близко не могли устоять. Лампы выпадали у них из рук, яркий свет катился по земле, разгоняя белый туман.

С подобной мелкой нечистью Лу Инцзю справился бы и сам — даже без помощи.

Следующие две минуты они просто стояли и смотрели, как Пушистик гоняет санитаров туда-сюда по склону.

Когда со всеми было покончено, он с довольным «ау-у» подбежал обратно, потёрся о Лу Инцзю — и исчез.

Вместе с ним рассеялся и густой белый туман.

Горный ветер закрутился между вершинами и в один миг разогнал всю мглу. За несколько секунд мир вокруг прояснился: вверху раскинулось синее небо, а лес озарило яркое солнце.

В лесу сразу стало видно дальше.

И первым делом Лу Инцзю заметил невдалеке Е Фэна и Сяо Ли.

Те, боясь разминуться в тумане, стояли, держась за руки, и каждый сжимал талисман. Завидев их, они тоже опешили, а потом, то и дело оступаясь, пошли по тропинке навстречу.

— С призраками покончено? — спросил Е Фэн.

— Угу, — кивнул Лу Инцзю.

Е Фэн поднял большой палец:

— Ну ещё бы. Это же ты.

Он снова повёл всех вперёд. Ещё минут десять пути, ещё несколько новых комариных укусов — и вдали наконец показалась белоснежная стена.

Перед ними возвышалось здание санатория.

У санатория было два основных корпуса. Названия золотыми буквами были выведены прямо на стенах: один назывался «Жошуй», второй — «Чанлю». В обоих располагались палаты для пациентов.

Теперь эти два корпуса стояли по левую и правую сторону, занимая огромную площадь, и даже в запустении по ним можно было представить былую роскошь. Для тех лет такие здания были редкостью, к тому же лечение здесь стоило недорого, персонала было необычайно много — всё это держалось лишь на деньгах семьи экзорцистов.

Внизу, у корпусов, разрослись дикие травы и цветы. Декоративный фонтан давно пересох, а внутри всё затянуло скользким мхом. Даже табличку с кратким описанием санатория у входа оплели лианы — так густо, будто не хотели отпустить.

Семнадцать лет с закрытия — и всё это успело стать прошлым.

Тот молодой человек нанял их найти пропавшего друга, Чжоу Ляна. Но где именно тот исчез,

он и сам толком не знал. Хотел открыть архив его стрима — вылезла ошибка данных.

Приходилось искать вслепую.

Если Чжоу Лян пропал в самой санатории, его ещё можно было найти. Хуже, если он исчез где-то в глубине гор и лесов.

Окрестный хребет назывался Горой Ваньмин, и площадь его доходила до ста шестидесяти квадратных километров. Даже с помощью духов и богов это было бы крайне тяжёлой задачей.

— Раз уж у нас всё равно нет зацепок, давайте сначала заглянем в кабинет Второго дедушки, — предложил Е Фэн.

Никто не возразил.

Кабинет Е Дяюна находился на самом верхнем этаже корпуса Жошуй — на седьмом.

Втроём они вошли в здание.

Даже днём внутри было сумрачно. На полу виднелись беспорядочные следы — видно, сюда уже успело наведаться немало стримеров. Планировка была простой, ничем не отличавшейся от обычного санатория. Когда-то на стенах висело множество талисманов, а у дверей — всякие защитные мешочки, но к моменту закрытия всё это давно убрали.

Шедший впереди Е Фэн включил фонарик. В луче медленно кружилась пыль.

— В детстве я часто играл в этом корпусе, — сказал он.

— Но тут же везде были пациенты, — удивился Сяо Ли.

— На верхнем этаже пациентов не держали, вот я туда и бегал играть в классики, — усмехнулся Е Фэн. — От скуки каждый раз считал, сколько прыжков нужно, чтобы допрыгать из одного конца коридора в другой.

— Братец Е Фэн, а ты в детстве не играл в карточки или из рогатки не стрелял? — спросил Сяо Ли.

— Во всём санатории я был единственным ребёнком, — ответил Е Фэн. — Я собрал целую коллекцию карточек, да только хвастаться ими было некому. А из рогатки — да, стрелял. Тогда был мелкий и глупый, всё мечтал птиц подбить, только меткости не хватало — так ни в одну и не попал. Зато потом разнёс стекло в палате на втором этаже, и после этого Второй дедушка

рогатку мне больше не давал.

— И правильно, — кивнул Лу Инцзю. — Если не ошибаюсь, ты и у меня дома окно однажды разбил.

— А? — Е Фэн только теперь это вспомнил и глуповато захихикал.

Лифт, конечно, давно не работал, так что они медленно поднимались по лестнице. На перилах лежал слой пыли толщиной, казалось, в добрых три сантиметра — дунешь, и всё лицо уже серое.

Большинство стримеров приехали сюда ещё в предыдущие дни, так что сегодня людей было немного. Им никто не встретился, только сквозь стекло на лестничной площадке было видно двух-трёх человек на скамейке внизу — те сидели отдыхали, а рядом стояли камеры.

На седьмом этаже Е Фэн уверенно двинулся в самый конец коридора.

Двери и окна кабинета директора были распахнуты настежь.

Точнее, оконные стёкла давно были выбиты, и весь пол был усыпан осколками, которые мерзко хрустели под ногами. Старая деревянная дверь тоже разваливалась на куски, а сверху её ещё изрисовали разными каракулями.

Лу Инцзю подошёл ближе и присмотрелся. Нацарапано было не что иное, как: «Такой-то был здесь».

Чернила выглядели свежими — явно писали недавно обычной ручкой, да ещё и коряво.

В комнате тоже было полно следов. Стримеры уже побывали и тут.

Е Фэн тихо выругался:

— Вот же свиньи. Ну зачем всё пачкать и разрисовывать?

Они вошли.

Обстановка внутри была очень простой: шкаф с документами, книжный стеллаж и письменный стол.

А за столом на стене висела огромная каллиграфия:

□Тяньдао□

Два этих иероглифа были выведены размашисто и властно; кончики штрихов были остры, словно лезвия. Их собственной рукой написал Е Дэюн.

Когда санаторий закрывали, он успел вывезти почти всё. Остались лишь неважные бумаги и книги — именно их стримеры и перевернули вверх дном, надеясь найти хоть что-то сенсационное, но, как видно, безуспешно.

Они пришли слишком поздно и уже не могли знать, не утащили ли до них что-нибудь важное.

Е Фэн немного постоял под каллиграфией и пробормотал:

— Он ведь когда-то даже учил меня писать кистью...

Постояв так ещё пару секунд, он тряхнул головой и принялся сосредоточенно рыться в комнате.

Вот только что именно искать — не знал никто.

Вчетвером они перевернули кабинет вверх дном, а в конце свалили всё найденное на стол.

Пять историй болезни — самые обычные пациенты, видимо, просто забыли забрать. Две книги: «Толкование сновидений» Фрейда и «Шупу» Су Готина. И ещё целая куча бумаг, уже кем-то перерытых и перемешанных: переводы сотрудников, планы расширения санатория и прочая канцелярщина.

Больше — ничего.

Е Фэн, не обращая внимания на грязь, просто плюхнулся на стул и уставился на всё это.

Потом снова достал фотографию.

На снимке Е Дэюн держал его за руку; оба стояли на фоне санатория.

Чёрный след на шее Е Дэюна никуда не делся — он по-прежнему душил его, и на лице старика застыла боль.

Для Е Фэна это, по правде говоря, было тяжело.

Все говорят: мёртвые должны упокоиться, лечь в землю и спать в тишине. Но что бы тут ни произошло, выглядело так, будто Е Дэюн так и не получил заслуженного покоя.

Е Фэн глубоко вдохнул и выдохнул; пыль в луче света тут же взвилась вихрем.

Спустя столько лет и санаторий, и этот кабинет всё ещё казались до боли знакомыми.

Он прекрасно помнил, как носился тут ребёнком, прыгал, шалил и лез повсюду.

Теперь, сидя на старом стуле и опираясь спиной на огромную надпись «Тяньдао», Е Фэн смотрел на фото и тихо бормотал:

— Ну дай мне хоть какую-нибудь подсказку... хоть самую маленькую...

Но люди на снимке молчали.

На фотографии десяти с лишним лет давности сияло солнце, и вдаль уходили цепи гор.

Даже когда они покинули кабинет директора, никакого чуда не случилось — ни одной зацепки они так и не нашли.

Посоветовавшись, они решили обойти весь санаторий: и в поисках следов, и в поисках стримера Чжоу Ляна.

Е Фэн заметно пал духом и по дороге почти не разговаривал.

Лу Инцзю сказал ему:

— Раз тут пусто, значит, потом заглянем к нему домой. Что-нибудь да найдём, не спеши. — И похлопал его по плечу.

— Угу, — буркнул Е Фэн и в раздражении взъерошил себе волосы так, что на голове получилось настоящее птичье гнездо.

Санаторий был огромным. Один только обход двух корпусов занял почти два часа.

А Лу Инцзю всё шёл — и в руках у него то и дело откуда-то появлялось что-нибудь новое.

Например, бутылка воды.

Или его любимые орехи.

Или всевозможные мелкие закуски.

Он шагал по ветхому зданию, среди выбитых окон, покосившихся дверей и паутины, а ощущение создавалось такое, будто они не заброшенный санаторий обследуют, а на весеннюю прогулку выбрались. Лу Инцзю даже подумал: скажи он сейчас, что хочет устроить пикник, — Цзин Сянь наверняка тут же достанет скатерть, расстелет её прямо на месте, разложит печенье и чай, а потом ещё спросит, какое печенье ему больше нравится, чтобы в следующий раз взять именно его.

Когда Цзин Сянь уже в пятый раз попытался что-то ему всучить, Лу Инцзю наконец не выдержал:

— Сколько ты вообще с собой набрал?

— Не так уж много, — ответил Цзин Сянь.

Лу Инцзю подозрительно покосился на него — и через пару секунд у него в руках уже оказался новый пакетик зелёного горошка.

Это был восьмой вид закуски, который ему выдали.

— Цзин Сянь, ты просто невозможен, — сказал он.

— А то, — с довольным видом отозвался тот. — Я вообще-то очень стараюсь снова склеить наши отношения. Я ведь заставил тебя вдоветь уже...

Лу Инцзю тут же вlepил ему ладонью по спине, с успехом оборвав фразу на середине. Потом поспешно покосился на Сяо Ли и Е Фэна — к счастью, те были заняты своим и ничего не слышали.

Он облегчённо выдохнул.

Но Цзин Сянь снова обиделся:

— Вот сам подумай. Столько лет прошло, в мире призраков меня все считают женатым, а у тебя в документах — холост. За тобой ещё и толпа людей бегаёт. У меня же никогда даже имени не было, никакого статуса — ты со мной обошёлся по полной. А теперь я ещё и ухаживать за тобой должен тайком, будто мы любовники на стороне.

Стоило разговору снова зайти о том, что он «подонок», как у Лу Инцзю тут же разболелась голова.

Теперь-то он наконец понял, почему тогда, на Бойне «Сыдун», Цзин Сянь с таким упорством твердил, что он бессовестный.

Чем больше Цзин Сянь думал об этом, тем мрачнее становился:

— Статус. Я хочу официальный статус. — Потом немного подумал и добавил: — Ты можешь пока не любить меня. Но статус мне всё равно нужен.

— Цзин Сянь... — начал Лу Инцзю.

Тот посмотрел на него.

— Ты вообще в курсе, что в нашей стране однополые браки пока невозможны?..

Следующие несколько минут Лу Инцзю наблюдал перед собой Цзин Сяня одновременно потрясённого, разочарованного, страдающего и глубоко возмущённого.

Явно нечисть разбиралась в законах далеко не так хорошо, как ему казалось.

Глядя на его лицо, Лу Инцзю всё-таки не удержался и улыбнулся.

Выбрав момент, когда они свернули за угол коридора, а Е Фэн с Сяо Ли уже ушли вперёд, Лу Инцзю развернулся и крепко обнял Цзин Сяня, успокаивающе похлопав его по спине.

И, как оказалось, это подействовало безотказно.

Солнечный свет лился из окна, проходил сквозь занавески и ложился на их лица.

Когда Цзин Сянь потерся щекой о его мягкие чёрные волосы, он стал похож на какого-то большого зверя, которого наконец погладили, — все жалобы тут же исчезли, и он тихо успокоился.

Когда Лу Инцзю отпустил его, перед ним уже стоял совершенно счастливый Цзин Сянь.

А стоило им снова выйти за угол лестницы, как оба мгновенно вернулись к прежнему виду: Лу Инцзю с каменным лицом жевал снеки, а Цзин Сянь всё так же продолжал свою «весеннюю прогулку».

Шедший впереди Сяо Ли обернулся и посмотрел на них.

«Ну слава богу, — подумал он. — Наконец-то пришли в норму. Кто знает, что у них там до этого случилось».

Впрочем, братец Е Фэн был прав: эти двое всё время сбивались в пару и шептались между собой, а стоило им начать, так могли болтать без конца.

Когда они обошли оба корпуса, результата по-прежнему не было. Ни зацепок, ни следа Чжоу Ляна.

Лишь одна неожиданная удача:

в одной из палат они нашли совместную фотографию Е Дэюна с каким-то пациентом.

Снимок был старый, стоял в рамке на тумбочке у кровати, и стекло рамки уже наполовину треснуло. Пациент в сине-белой больничной одежде улыбался во весь рот, а у кровати стояли огромные букеты цветов.

Е Дэюн стоял рядом — как обычно, немного чопорный, лишь с едва заметной улыбкой.

А слева от него была женщина в белом. На лбу у неё виднелся тонкий шрам; она держала его под руку и улыбалась так светло, будто вся цвела.

Лу Инцзю сдул со снимка пыль и указал на неё:

— Это кто?

— Моя вторая бабушка, — ответил Е Фэн. — Я видел её только в детстве.

— Никогда не слышал, чтобы ты о ней говорил, — заметил Лу Инцзю.

— Ага, — кивнул Е Фэн. — Она умерла на третьем году брака, и после этого Второй дедушка больше так и не женился. У нас дома о ней почти не говорили, даже он сам. Я раньше вообще думал, что от неё ни одной фотографии не осталось. А оказывается, тут нашлась.

Он аккуратно вынул снимок, сложил по старым заломам и убрал в сумку.

Через десять минут все снова стояли у входа в корпус Жошуй.

Е Фэн тяжело вздохнул:

— Вот это мы, конечно, облажались. С делом Второго дедушки ещё ладно, тут и правда ни за что не зацепишься. Но с этим Чжоу Ляном-то что? Куда вообще мог деться один стример? Неужели и правда попёрся в самую глушь?

— Может, когда вернёмся в деревню, выяснится, что он уже там, — предположил Сяо Ли.

Е Фэн фыркнул:

— Если так, меня от злости удар хватит.

Они уже собрались и собирались спускаться с горы.

Но едва подошли к главным воротам санатория, как Сяо Ли вдруг остановился и воскликнул:

— А! Тот человек написал! Говорит, стрим Чжоу Ляна теперь открывается!

— Ах ты ж мелкий ублюдок! — выругался Е Фэн. — Это он нас так водит за нос?!

Сяо Ли открыл страницу и тут же поправился:

— Нет-нет, не прямой эфир. Только запись.

Он повернул экран к остальным.

И правда — на экране была запись стрима. По времени — полдень позавчера, как раз когда Чжоу Лян только поднялся в горы.

...

Пятьдесят пять часов назад.

— Добро пожаловать на мой мистический стрим, — сказал Чжоу Лян. — Сейчас мы уже находимся у подножия санатория Юэшань.

Он поднял камеру выше: среди бесконечных зелёных гор белоснежный санаторий выделялся особенно ярко.

— Основная дорога наверх уже перекрыта, так что идти можно только по тропинке. Минут пятнадцать-двадцать — и будем на месте. — Тут его голос стал бодрее. — Вы ведь уже слышали все здешние слухи, да? Ну а сегодня я лично покажу вам, что тут творится! Кому интересно — не забудьте подписаться!

Он махнул рукой, и следом за ним показались два помощника.

Тропа была неудобной, ноги то и дело проваливались; Чжоу Лян шёл и комментировал, уже запыхавшись.

Им пришлось сделать небольшой крюк. Стояла жара, одежда прилипла к телу. У самого уха звенели комары; один присел на открытую кожу, Чжоу Лян с размаху хлопнул по нему и увидел на ладони размазанное пятно крови.

— ...

Он беззвучно выругался.

Но, заметив, как растёт число зрителей, тут же повеселел.

Прошло десять минут, и один из помощников вдруг сказал:

— Тут что, туман поднимается?

— Немного есть, — отозвался Чжоу Лян. — Войдём в санаторий — всё будет нормально.

Но туман становился всё гуще, растекаясь вокруг, как молоко. Очень скоро видно было уже не дальше чем на полметра — и это расстояние продолжало сокращаться.

Явно ненормально. Даже камера теперь показывала одну сплошную белую муть.

Чжоу Лян уже бывал во множестве проклятых мест и насмотрелся всякого, так что пришёл подготовленным: он связал себя и помощников альпинистской верёвкой. Все трое держались вплотную и медленно продвигались вперёд. В самых трудных местах им приходилось цепляться за камни и корни деревьев, но пока всё обходилось.

Ещё через десять минут

они, тяжело дыша, выбрались на ровную площадку.

Туман как раз рассеялся, и перед ними выросла высокая белая стена.

У санатория было два корпуса.

Чжоу Лян поправил камеру и сказал:

— Корпус перед нами называется «Жошуй». Большинство пациентов жили именно здесь. Давайте сначала заглянем сюда.

— Верёвку отвязать? — спросил помощник.

— Нет.

Парадная дверь корпуса раньше была заперта, но теперь стояла открытой.

Видимо, сюда уже успели добраться другие стримеры.

Чжоу Лян недовольно хмыкнул, включил фонарик и вошёл внутрь.

— На первом этаже тут только приёмная, — пояснил он. — Палаты начинаются со второго. Так что сразу идём наверх.

Он без колебаний направился к лестнице, и по коридору гулко разнеслись его шаги.

А вот шаги помощников звучали неуверенно. Они плелись медленнее, и верёвка то и дело натягивалась.

Чжоу Лян раздражённо скривился, но при зрителях ничего не сказал.

Подойдя к лестнице, он лишь бросил через плечо:

— Времени мало. Шевелитесь.

И ускорился, поднимаясь вверх.

Но чем выше он шёл, тем сильнее чувствовал: что-то не так.

Оба помощника отставали всё сильнее, верёвка натянулась до предела.

Чжоу Лян сделал ещё несколько шагов — и вдруг понял, в чём дело.

Почему слышны только его шаги?

Куда делись помощники? И в какой момент они разошлись?

Верёвка тянула вниз тяжёлым грузом. Чжоу Лян остановился.

Холод пополз по телу от самых волос до кончиков пальцев на ногах. А затем он осознал кое-что ещё страшнее.

Если здесь только он один...

то что тогда висит на другом конце верёвки?

Он уже собирался обернуться, когда чьи-то ледяные ладони закрыли ему глаза.

...

На этом запись обрывалась.

Камера упала на пол, и последним, что можно было расслышать, был резкий хруст — будто кто-то раздавил аппарат ногой.

С ним точно что-то случилось.

Е Фэн уставился в экран и пересмотрел этот фрагмент несколько раз.

Камера успела снять мертвенно-бледную руку призрака — а на безымянном пальце у неё поблёскивало обручальное кольцо.

Тонкое кольцо, тёмно-золотое.

Оно казалось ему знакомым.

Но откуда — он никак не мог вспомнить.

А тем временем друг Чжоу Ляна сыпал Сяо Ли сообщениями одно за другим, едва не в панике умоляя во что бы то ни стало спасти его.

Сяо Ли едва успевал читать, не говоря уже о том, чтобы отвечать. Он кое-как напечатал пару

фраз и пообещал только одно:

«Мы обязательно сделаем всё, что сможем».

И в тот самый миг, когда он нажал «отправить» —

— А-а-а-а!

Из санатория донёлся истерический женский крик!

А по тропинке к воротам как раз поднималась ещё одна группа — ярко одетые люди с камерами и огромными рюкзаками.

Тоже стримеры.

Услышав этот крик, они переглянулись и замерли на месте.

Лу Инцзю бросил Сяо Ли:

— Останови их. Не пускай внутрь.

С этими словами он поспешно рванул обратно в санаторий, а Цзин Сянь тут же последовал за ним.

Ориентируясь на крик, Лу Инцзю взлетел по лестнице с поразительной лёгкостью и быстротой.

На четвёртом этаже корпуса Жошуй он увидел женщину с белым как мел лицом — та дрожащей рукой указывала на труп, повисший на подоконнике.

Труп оказался до боли знакомым: это был один из помощников Чжоу Ляна. Половина тела свешивалась наружу, половина оставалась в комнате. Всё тело было исполосовано длинными рваными ранами, будто его разодрали когтями.

Судя по виду, умер он уже какое-то время назад.

Оконное стекло было выбито, и горный ветер с силой трепал рваную занавеску — та дёргалась, как костлявая призрачная рука.

Но ведь, когда они проходили здесь совсем недавно, ничего подобного не было. Значит, труп подбросили сюда только что.

Тогда где же сам призрак?

По пути Лу Инцзю так и не ощутил заметной иньской ауры, да и Цзин Сянь никак не отреагировал. Лу Инцзю ни секунды не сомневался: рискни эта тварь приблизиться к ним хотя бы на шаг, Цзин Сянь уже бы стёр её в пыль.

Если призрака нет внутри...

Лу Инцзю машинально посмотрел в окно.

За ним расстилалось тёмно-зелёное море леса. Лёгкий ветерок, гулявший по ущельям, пригибал верхушки деревьев, и те шуршали так, будто шептались между собой.

...

Сяо Ли и Е Фэн тем временем собрали стримеров вместе.

После этого крика все группы настороженно выжидали, и всего за несколько минут на площадке перед санаторием уже собралось несколько съёмочных команд.

Е Фэн поспешно подзывал их к себе и велел ни в коем случае не заходить внутрь.

А вот Лу Инцзю и Цзин Сянь ушли — и с тех пор ни слуху ни духу.

Ветер становился всё сильнее. По всему лесному склону шёл шум. Обычно такие звуки природы успокаивают, но сейчас они только действовали на нервы.

За Лу Инцзю Е Фэн не особенно переживал — тот был человеком по-настоящему сильным и смелым, из тех, с кем беда просто так не случается. Но никто вокруг не понимал, что творится; люди шушукались, атмосфера накалялась, и Е Фэн всерьёз опасался, что ещё немного — и удержать всех уже не получится.

Он как раз размышлял, не стоит ли связаться с ними, когда Сяо Ли вдруг дёрнул его за рукав.

— Чего? — спросил Е Фэн.

Сяо Ли сглотнул и спросил:

— У твоей второй бабушки... на лбу ведь был шрам?

— Ну да.

— Ростом она невысокая? Где-то метр пятьдесят с чем-то?

— Ну да.

— И она стройная... и уши у неё были проколоты?

— Ну да, — удивился Е Фэн. — Ты же только что видел её на фотографии. Чего ты снова спрашиваешь? Я, конечно, знаю, что она красивая, но всё-таки это моя вторая бабушка — не надо уж так заикливаться...

— Я... я просто хотел сказать, — дрожащей рукой указал Сяо Ли, — братец Е Фэн... твоя вторая бабушка ползёт по дереву.

<http://bllate.org/book/16971/1588312>